УДК 81 + 811.112. 2 (045)
DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-3-67-76

Е. В. Боднарук

*Северный (Арктический) федеральный университет
им. М. В. Ломоносова
Набережная Северной Двины, 17, Архангельск, 163002, Россия*

e.bodnaruk@narfu.ru

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ИМПЕРАТИВА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Рассматривается императив, одно из наклонений, характеризующихся широким семантическим диапазоном и многообразием прагматических функций. Анализируется грамматический статус императива, состав его парадигмы, а также объясняется его категориальная принадлежность как к морфологии, так и к синтаксису. Выявляются и описываются основные компоненты его семантики и обусловленные ими ограничения в использовании императивных форм. Постулируется связь императивной семантики с областью будущего и обусловленная этой связью синонимия форм и конструкций, способных актуализировать значение побуждения к действию. Характеризуются основные речевые акты, в которых используются формы императива.

Ключевые слова: императив, наклонение, императивная парадигма, семантика и речевые акты с участием императива, немецкий язык.

Антропоцентризм современной лингвистической парадигмы акцентирует внимание исследователей на изучении человека как субъекта мысли и субъекта речи и, следовательно, помещает в центр рассмотрения его коммуникативное поведение. Одну из важнейших черт коммуникативного поведения человека составляет выражение побуждения к действию. Известно, что одним из главных выразителей побуждения является императив. В настоящей статье рассматриваются формальные характеристики императива в немецком языке, его семантика, а также прагматические функции в прямой речи немецкоязычного художественного дискурса.

Значимость императива в структурном плане определяется тем, что формы императива могут быть отнесены к языковым явлениям универсального характера, поскольку они представлены практически во всех языках мира [Храковский, Володин, 1986. С. 7; Плунгян, 2011. С. 437]. Более того, само зарождение языка могло начаться именно с императивных высказываний (см., например, [Якушин, 1984. С. 93, 133; Гусев, 2013. С. 11]).

Изучению императива посвящено довольно большое количество работ. Вместе с тем грамматический статус императива до сих пор остается предметом дискуссий.

Согласно традиционной точке зрения, императив является глагольным наклонением, наряду с индикативом и конъюнктивом. Впрочем, во второй половине XX в. начали появляться работы, в которых императив выводится из системы наклонений (см. [Thieroff, 1992. S. 10; Moskalskaja, 2004. С. 66] и др.). В. А. Жеребков, к примеру, считает, что время и наклонение как глагольные категории противопоставлены императиву, который не может формировать полноценную предикацию. Коммуникативно императив скорее включается в противопоставление «повествование – вопрос – требование», чем в «оценку реальности высказывания».

Боднарук Е. В. Семантика и прагматика императива (на материале немецкого языка) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 3. С. 67–76.

На основании данных аргументов В. А. Жеребков оставляет в системе наклонения только индикатив и конъюнктив, исключая из нее императив [Zerebkov, 1977. S. 129].

Императив может не выводиться полностью из системы наклонений, но квалифицироваться как «полунаклонение» (Halbmodus); форма императива признается в этом случае «полуфинитной» (semifinite Form) (см. [Leiss, 1992. S. 225; Grammatik..., 1997. S. 1724] и др.). Полуфинитность / полуличность императива объясняется тем, что он демонстрирует признаки как личных, так и неличных форм. С одной стороны, императив не изменяется по лицам (поскольку в узком смысле императивной признается только форма 2 л.), но, с другой стороны, у него есть формы числа (*Sprich!* vs *Sprecht!*). С неличными формами императив схож также в том, что обычно не соединяется в предложении с личным подлежащим.

Таким образом, с одной стороны, формы императива 2 л. могут быть признаны глагольными формами, с другой – очевидно наличие у них свойств, отличных от форм индикатива и конъюнктива, что затрудняет признание императива частью системы глагольных наклонений.

Так, поскольку императив в немецком языке формирует один из коммуникативных типов предложения (побудительное предложение), он может квалифицироваться и как единица синтаксиса, составляющая наряду с повествовательным и вопросительным предложениями (в которых используются только формы индикатива и конъюнктива, но не формы императива) особую синтаксическую категорию¹.

Примечательно, что В. Абрахам в одной из своих работ рассматривает императив как «наклонение предложения» (Satzmodus), в то время как индикатив и конъюнктив обозначаются им как «наклонение глагола» (Verbmodus) [Abraham, 2009. S. 252].

Исходя из сказанного, императив следует, видимо, рассматривать как особый грамматический феномен, относящийся как к области морфологии, так и к области синтаксиса.

Наиболее специфическим компонентом значения императива будем вслед за Ю. П. Князевым считать *речевую каузацию изменения действительности* [Князев, 2007. С. 127]. «Говорящий самым фактом своего высказывания пытается каузировать совершение некоторого действия (эксплицитно указанного в этом высказывании)» [Гусев, 2013. С. 21].

По содержанию формы императива нельзя считать ни реальными, ни ирреальными, поскольку они не выражают какого-либо факта, который может характеризоваться как реальный или нереальный (см., например, [Храковский, Володин, 1986. С. 68]). Вместе с тем в лингвистической литературе предпринимаются попытки отнести императив либо к реалису (в широком смысле слова) [Ермолаева, 1976. С. 13], либо, наоборот, к ирреалису [Sommerfeld, Starke, 1984. S. 53; Плунгян, 2011. С. 449]. Императиву может также приписываться значение *потенциальности*, связывающее ирреальность с реальностью, преобразующее некоторое ирреальное положение дел в реальное [Бондарко, 1990а. С. 78–79].

Употребление императива обусловливается наличием в ситуации общения как минимум двух участников: говорящего (являющегося волеизъявителем) и слушающего (адресата волеизъявления). Таким образом, сфера употребления императива ограничивается обычно лишь ситуациями непосредственного общения² и очевидным образом указывает на дейктичность форм императива.

С ориентацией императива на речевую ситуацию и его дейктичностью связан ряд ограничений при использовании:

- 1) употребление в форме 2 лица без подлежащего, ввиду избыточности последнего,
- 2) неупотребительность в косвенной речи,
- 3) невозможность употребления в придаточном предложении.

Хотя высказывание с императивом и предполагает наличие в ситуации общения адресата волеизъявления, от последнего не требуется ответной речевой реакции. Реакция слушающего на такое высказывание может, как известно, сводиться исключительно к выполнению дейст-

¹ О.И. Москальская, к примеру, называет данную категорию *категорией коммуникативной интенции* [Moskalskaja, 2004. С. 244].

² Реже императив используется при обращении говорящего к потенциальному адресату, т. е. опосредованно. Это происходит, к примеру, в научных текстах, в которых императив предстает в конкретных разновидностях (например, отсылочный императив с сокращенными формами *Vergleiche!* – vgl.-императив, или *Siehe!* – s./siehe-императив) и служит диалогизации процесса научной аргументации [Нефёдов, 2015. С. 11–14].

вия, относительно которого выражено волеизъявление (см., например: [Храковский, Володин, 1986. С. 70]).

Проявляя волеизъявление, говорящий одновременно выступает как контролер ситуации, он полагает, что исполнитель может выполнить то действие, о котором идет речь. Кроме того, действие должно мыслиться и как контролируемое исполнителем, так как нельзя повелеть сделать то, над чем у исполнителя нет власти [Гусев, 2013. С. 173].

Для высказываний с императивом характерен признак бенефактивности, поскольку в результате выполнения действия появляется новая ситуация, которую можно трактовать в пользу а) говорящего, б) адресата речи, в) того и другого, г) всех участников и свидетелей императивного акта [Бондарко, 1990б. С. 82].

Использование императива связывается и с понятием субординации, поскольку говорящий, выражая волеизъявление, ставит себя выше либо, наоборот, не выше адресата волеизъявления.

И, наконец, употребление императива коррелирует с понятием цели, которая преследуется волеизъявителем при совершении императивного речевого акта. Целью является исполнение / предотвращение какого-либо действия.

Все перечисленные особенности семантики и использования императива связывают его непосредственно с областью будущего, поскольку ситуация, о которой говорится в побудительном предложении, должна иметь место после момента речи.

У императива отсутствует грамматическая категория времени. В большинстве языков мира невозможно противопоставление императивных форм во временном плане. Императив признается немаркированной в отношении времени формой. Отсутствие у императива особой грамматической категории времени связано с тем, что императивная функция устраняет ту «свободу чередования времен», которую обуславливает индикатив [Бондарко, 1990б. С. 88], а также – в определенной степени – конъюнктив.

Тем не менее некоторые исследователи обращают внимание на темпоральную вариативность при употреблении императива. Г. Г. Сильницкий, к примеру, отмечает, что в повелительном наклонении глагольное действие всегда относится (за исключением «вневременных» высказываний типа *He в свои сани не садись*) к будущему времени (*Верни мне книгу через неделю*) или к настоящему (*Работай дальше*) [Сильницкий, 1990. С. 91]. О презентно-футуральной перспективе императивных ситуаций пишут также А. В. Бондарко и Е. Е. Анисимова [Бондарко, 1990б. С. 80; Анисимова, 2011. С. 69].

Презентность как временная характеристика императива допускается постольку, поскольку императив ориентирован на ситуацию общения в настоящем. С другой стороны, действие, о котором идет речь в высказывании, относится либо к собственно будущему, либо к будущему, вытекающему из настоящего, либо к будущему как одному из временных отрезков, формирующих значение вневременности.

Не случайно Г. Ф. Музыкантов предлагал заменить темпоральный признак «презентно-футуральная перспектива» на признак «неопределенная футуральная перспектива», отмечая, что действие, называемое императивной формой, не дано как объективная реальность в момент волеизъявления. В противном случае отпала бы необходимость обращаться к собеседнику с просьбой, приказом, советом и т. д. Например, бессмысленно обращаться к стоящему человеку с волеизъявлением *Встань!* Поэтому при определении темпоральной локализации императивного действия логично исходить из того, что оно не дано нам как объективная действительность в момент волеизъявления, и адресат может выполнить волю говорящего по истечении какого-то промежутка времени, протяженность которого может быть очень разной – от нескольких секунд до нескольких лет [Музыкантов, 1988. С. 90].

Типичными для императива и поэтому немаркированными являются, как было отмечено ранее, формы 2 л. К данным формам в немецком языке функционально примыкают императивные формы вежливости (*Machen Sie die Tür auf!*), представляющие собой синтаксические структуры, включающие глагольную форму и вежливую форму личного местоимения в постпозиции, а также формы «совместного действия», т. е. формы 1 л. мн. ч. с местоимением *wir* (*Machen wir das!*).

Так, в работе Ф. Зиммлера в императивную парадигму включаются: 1) императив ед. ч. (*Geh!*); 2) императив мн. ч. (*Geht!*); 3) императив вежливой дистанции (*Gehen Sie!*); 4) импе-

ратив сокращенной дистанции (*Gehen wir ins Bett und werden schnell gesund!* – обращение врача к пациенту). За рамками парадигмы остаются, однако, формы адхортатива (*Gehen wir ins Kino!*), в которых в число исполнителей действия входит и говорящий, а также формы императива пассива (*Seid begrüßt!*) [Simmler, 1989. S. 643, 658].

Основным значением императива нередко признается значение приказания (см., например: [Heinold, 2012. S. 39]), однако принято различать и так называемые частные семантические интерпретации высказываний с императивом, являющиеся результатом взаимодействия этого значения с ситуациями, возникающими при произнесении императивных высказываний в процессе речевого акта.

С. Хайнольд отмечает наличие у императива значений приказа / требования (*Steh auf!*), просьбы (*Geh bitte heim!*), запрета (*Fass das nicht an!*), пожелания (*Werde schnell gesund!*), совета (*Nimm lieber die frische Hefe, um den Kuchen zu machen!*) [Ibid. S. 42]. В «Грамматике немецкого языка» речь идет также об употреблении императива для выражения уступки (*Besitze ruhig ein großes Vermögen. Es wird dir sicherlich nichts nützen*) и условия (*Besitze Geld und du hast Einfluss*) [Grammatik..., 1997. S. 1730]. Отмечается возможность междометного (*Geh! Komm! Warte! Halt!*) и даже нарративного употребления императива (*Aber Moritz aus der Tasche zieht die Flintenpulverflasche und geschwinde – stopf, stopf, stopf – Pulver in den Pfeifekopf*) [Heinold, 2012. S. 42].

Спектр значений, укладывающийся в рамки императивности, может быть настолько широким, что описать его в полном объеме крайне тяжело. Выход из данной ситуации предложил В. С. Храковский, предположивший в одной из своих работ, что в каждом конкретном языке есть столько семантических интерпретаций побудительных предложений, сколько в этом языке представлено несинонимичных глаголов речевой каузации (*приказывать, разрешать* и т. д.) [Храковский, 1990. С. 204].

Сложность при семантическом анализе императива вызывает и факт наличия у него большого количества синонимов в каждом языке, включая немецкий. Объяснить множество конкурирующих форм при выражении императивного значения можно исходя из различных оснований. Сюда не в последнюю очередь относится социальный статус участников речевого акта, а также особенности ситуации общения. Существенную роль играет стремление к градации степени категоричности высказывания. Известно, что выражение приказа или требования в категоричной форме может привести к «потере адресатом своего лица», что может повлечь за собой самые разные последствия. Поэтому адресант вынужден стремиться построить свое высказывание таким образом, чтобы оно было максимально эффективным (в данной ситуации) и не сопровождалось потерей адресатом своего лица. Только в таком случае полностью соблюдается принцип «социального взаимодействия». Обратной стороной этого принципа является, однако, многообразие средств выражения императивности. Примечательно в этой связи весьма скептическое утверждение Д. Вундерлиха о невозможности полного описания императивных структур [Wunderlich, 1984. S. 113]. Среди лингвистических причин наличия большого количества синонимов у императива обычно упоминается его морфологическая ущербность и жесткая структурная ограниченность [Шендельс, 1970. С. 151].

Перечислим лишь некоторые наиболее часто называемые синонимы императива в немецком языке: а) конструкции с модальными глаголами (в индикативе и конъюнктиве), б) модальный инфинитив, в) презенс и футур I индикатива, г) футур II и перфект индикатива; д) кондиционалис I, е) независимый инфинитив, ж) причастие II, з) презенс конъюнктива с волитивным значением. Синонимия наблюдается и на синтаксическом уровне: безглагольные предложения (*Vorwärts! Halbes Pfund Brot!*), синтаксические сочетания типа *es ist notwendig* (...), придаточные предложения с союзом *dass* и некоторые другие.

Часть этих средств сопровождается в речи выраженностью адресата (и, реже, адресанта): формы презенса и футура индикатива, конструкции с модальными глаголами, конструкция *haben + zu + инфинитив I*, форма презенса конъюнктива, кондиционалис I; другие характеризуются их невыраженностью: инфинитив, причастие II, пассив индикатива, конструкция *sein + zu + инфинитив I*.

Семантика императива уточняется в речевых актах, в которых он используется. Для анализа речевых актов с участием императива были выбраны три произведения художественной

литературы современных авторов К. Хайна, Д. Кельмана и И. Ноль общим объемом 922 с., написанных на немецком языке. В данных произведениях рассмотрению подверглась (внешняя) прямая речь персонажей, из которой методом сплошной выборки было извлечено более 300 примеров с императивом.

Согласно эмпирическим данным, императив, к которому мы относим формы 2 л. ед. и мн. ч., а также формы с *wir* и формы вежливости с *Sie*, встретился в следующих речевых актах: *просьба* (108 случаев употребления), *совет* (49), *требование* (27), *утешение* (13), *приказ* (12), *разрешение* (10), *предложение* (10), *мольба* (8), *приглашение* (8), *убеждение* (6), *пожелание* (6), *угроза* (6), *указание* (5), *команда* (4), *предупреждение* (2), *согласие* (2), *призыв* (2) *подбадривание* (1), *отказ* (1), *поручение* (1) ³.

Очевидно, что императив типичен прежде всего для речевых актов побудительного характера, в которых говорящий проявляет свою волю с целью оказать воздействие на слушателя (адресата волеизъявления) и побудить его к выполнению определенных действий либо к отказу от их выполнения. Адресату во всех случаях отводится активная роль.

Адресат может быть обязан исполнить волю говорящего (*команда, приказ, требование, поручение*). Необходимость исполнения действия обычно связана с тем, что адресат волеизъявления по тем или иным причинам находится во власти говорящего. Приведем примеры.

Приказ (отец – сыну): ...*So, und nun verschwinde. Iss dein Abendbrot, und dann ab ins Bett* (Hein, 2005).

Приказ (учитель – ученику): *In der Pause kommst du zu mir, Bernhard, damit ich dich in das Klassenbuch eintragen kann. So, und nun geh und setz dich* (Hein, 2005).

Команда (хозяин – собаке): Plötzlich sprach Bernhard den Hund an. Er sagte >*komm*< oder >*komm her*<, streckte seine Hand nach ihm aus, und der Hund wandte seinen Kopf von mir ab, legte die Ohren an und sah zu Bernhard (Hein, 2005).

Необходимость исполнить волю говорящего повышает уровень категоричности высказывания, что возможно далеко не в каждом случае выражения побуждения и может грозить предполагаемому исполнителю действия «потерей лица», поскольку он по своему статусу или положению в этом случае, как правило, ниже говорящего.

Видимо, этим объясняется тот факт, что значительное количество речевых актов побудительного характера не предполагает обязательного исполнения адресатом действия. Говорящий дает адресату волеизъявления определенную свободу выбора, выражающуюся в возможности по разным причинам отказаться от выполнения действия. В таких случаях речевые акты с участием императива можно дифференцировать в зависимости от того, в чьих интересах будет совершено действие.

Адресат может исполнить волю говорящего в интересах говорящего (*просьба, мольба, призыв, угроза*), в своих собственных интересах (*совет, указание, предупреждение, разрешение, подбадривание, утешение*) или в интересах как своих, так и говорящего (*приглашение, предложение*) ⁴.

Перечисленные речевые акты могут сопровождаться называнием причин или мотивов, лежащих в основе необходимого с точки зрения говорящего действия. Тем самым говорящий как бы склоняет, подталкивает адресата волеизъявления к исполнению действия, в котором он сам заинтересован.

Просьба: Was gibts denn, Koller? – Ich kündige, Meister. – *Tu mir das nicht an, Junge. Du bist mein bester Mann...* (Hein, 2005).

Мольба: *Lass mich leben*, versucht sie es ein letztes Mal. *Deine Geschichte. Vergiss sie. Lass mich einfach leben* (Kehlmann, 2009).

Угроза: Das habe ich mir auch so gedacht. Aber *lass meine Alte aus dem Spiel, hörst du, sonst verpass ich dir eine*. Meine Alte ist nämlich kein Flittchen, die mit anderen rummacht (Hein, 2005).

³ О классификации футурально ориентированных речевых актов, в оформлении которых участвует императив, см., например, в работе [Боднарук, 2015].

⁴ Конечно, распределение речевых актов с учетом бенефицианта действия носит довольно условный характер; мы исходили в данном случае из наиболее типичных, с нашей точки зрения, интерпретаций соответствующих речевых действий.

Посредством императива говорящий может также побуждать адресата исполнить действие в интересах самого адресата. Он в этом случае проявляет определенное участие в судьбе адресата волеизъявления, выступая в роли советчика, авторитетного эксперта, наставника или помощника. Тем самым говорящий дает понять адресату, что знает (или думает, что знает), как лучше поступить в той или иной ситуации.

Совет: Es ist wegen Gitti. Sie hat mich zum Gespött der ganzen Stadt gemacht. – Ach, das ist es nur. *Vergiss das einfach. Red mit ihr, vielleicht kommt ihr miteinander klar. Oder geht eurer Wege. Darum musst du nicht gleich die Stadt verlassen* (Hein, 2005).

Разрешение: «*Nimm dir, was dir gefällt*», sagte ich, «du wirst ja ein paar kleine Vorlieben haben, oder?» (Hein, 2005).

Указание: ...Die Wunde heilt bestens, nächste Woche soll er mit dem Rollator ein bisschen herumwandern. Wenn er weiter gut mit macht, kann er das Bein bald zu fünfzig Prozent belasten und die Reha antreten. *Achten Sie bitte darauf, dass er immer genügend trinkt!* (Noll, 2010).

Императив нередко оформляет речевые акты, предполагающие не только участие в выполнении действия адресата волеизъявления, но и возможное вовлечение в деятельность самого говорящего. К таким речевым актам относятся *приглашение* и *предложение*. Данные речевые акты имеют много общего и трудно различимы в речи.

Приглашение: *Komm, Bernhard, darauf trinken wir einen*. Ich lade dich ein (Hein, 2005).

Предложение: *Kommt herein*. – Ich öffnete die Tür. – *Kommt nur alle herein!* (Kehlmann, 2009).

Приглашение можно трактовать как просьбу принять участие в чем-либо, заняться чем-либо. *Предложение* же следует рассматривать как предоставление адресату возможности выбрать для исполнения какое-либо действие в будущем. Однако предложение в отличие от приглашения не обязательно предполагает соучастие говорящего и может быть рассчитано только на адресата волеизъявления. Кроме того, приглашение в большей степени обязывает к действию, чем предложение.

Довольно часто императив был использован в *контактивных* (8) и *метакоммуникативных* (20) речевых актах. К контактивным речевым актам с использованием императива мы отнесли *приветствие, прощание, представление / знакомство, передача приветов, а также пожелания при поздравлениях*, являющиеся речевыми клише:

...*Grüß Mama und Max*. Tschüs, Papa (Noll, 2010).

Метакоммуникативные речевые акты в исследованных произведениях были представлены главным образом императивными структурами, призванными привлечь внимание или подержать интерес к основному речевому акту высказывания:

...Das muss belohnt werden! *Sieh mal*, wenn ich irgendwann unterm Rasen liege, bekäme sie noch jahrelang meine Rente (Noll, 2010).

...Mein Gott, *stell dir vor*, ich wäre damals hingeflogen... (Kehlmann, 2009).

Функция контактивных и метакоммуникативных высказываний – фатическая, заключающаяся в «обслуживании» коммуникации, а именно в установлении, поддержании и завершении речевого контакта. Побуждение к действию носит в них очень условный характер.

Значительно реже императив используется в прямой речи в непобудительных речевых актах, например в речевых актах модально-оценочного характера (*убеждение и пожелание*), в которых высказывается или формируется мнение относительно предстоящего действия / события и / или дается их оценка.

Так, в речевом акте *пожелания* говорящий желает чего-то слушающему. Пожелание имплицитно положительную оценку желаемого. Оно может быть индивидуализированным или иметь вид речевого клише или ритуала (пожелание удачи, хорошей поездки и т. д.). В последнем случае пожелание можно отнести и к контактивным речевым действиям:

«*Schlaf gut, Opa*», sagte Max und löschte das Licht (Noll, 2010).

В речевом акте убеждения говорящий с помощью слов пытается сделать так, чтобы слушающий ему поверил. Обычно данный речевой акт является сложным по своему составу. Императив играет в нем роль одного из компонентов, добавляющего убеждающей силы. В этой связи императив в рамках данного речевого акта может использоваться неоднократно:

Diesen Leuten bedeutet ein Brand nichts. Es ist nicht ihre Stadt, die sie gefährden. Ihnen ist es egal, was dabei kaputtgehen kann. Ihnen fehlt das Herz für die Stadt, schließlich sind sie zufällig hier gelandet und können jederzeit weiterziehen. Wie die Zigeuner. Die Stadt, die Kirche, die Burg, unser Kurpark, die alten Straßen, all das, an dem unser Herz hängt, für sie bedeutet das alles nichts. Glaub mir, es sind Fremde, und es bleiben Fremde. Auf die kannst du nicht bauen. Sei kein Kindskopf, Sigurd, verlass dich nicht auf diese Leute (Hein, 2005).

Еще реже императив оформляет речевые акты информирующего характера (в нашем эмпирическом материале это *согласие* и *отказ*). В них он чаще всего выступает как вспомогательный элемент, как бы подводящий слушающего к основной части футурально ориентированного речевого акта.

Согласие: «*Na geh schon*», sagte ich schließlich, «*ich pass hier auf*» (Hein, 2005).

Либо он оказывается «привязанным» к конкретному лексическому наполнению высказывания.

Отказ: Ich wollte ihn zum Abschied küssen, er drückte mich zurück. «*Lass das sein. Nicht hier auf der Straße, Kathi*» (Hein, 2005).

При оформлении большинства из перечисленных речевых актов императив конкурирует с рядом других языковых средств. Поскольку действия, лежащие в основе высказываний с императивом, относятся к области будущего времени, в качестве конкурентов императива могут выступать грамматические и лексико-грамматические единицы немецкого языка, формирующие функционально-семантическую область футуральности и способные выражать побуждение. Так, в следующих примерах конструкция с модальным глаголом *müssen*, а также формы инфинитива вполне могли бы быть заменены императивом:

«*Da musst du ein wenig warten*», sagte sie, «*ich bekomme es (das Kind) nur zum Stillen. In drei, vier Tagen sind wir zu Hause, dann kannst du es von früh bis abends im Arm halten*» (Hein, 2005).

Wenn du die Adresse bekommst, dann besorge dir einen Stadtplan oder irgendetwas Ähnliches. Und präg dir alles ein. Nie jemanden fragen, auch nicht in Berlin. Mit keinem sprechen, nicht auffallen, keiner soll sich an dich erinnern (Hein, 2005).

Наличие возможности заменить императив другими языковыми средствами не отменяет, однако, того факта, что императив является нейтральной формой побуждения и лидирует при выражении побудительности в прямой речи персонажей художественного дискурса [Боднарук, 2016]. Согласно полученным нами эмпирическим данным он оказался наиболее частотным языковым средством для оформления речевых актов *просьбы, совета, требования, утешения, приказа, мольбы, приглашения, пожелания, призыва, команды*, а также контактивных и метакоммуникативных речевых актов. Употребительным императив был также в речевых актах *разрешения, предложения, угрозы и указания*.

Вывод

Особенности семантики и прагматики императива, главным образом его ориентация на ситуацию непосредственного общения с целью каузации изменения действительности (выполнения или предотвращения какого-либо действия со стороны адресата волеизъявления), делают императив одной из наиболее значимых глагольных форм выражения побуждения в прямой речи персонажей немецкоязычного художественного дискурса. Категориальные признаки императива указывают на его принадлежность как морфологии (одно

из наклонений глагола), так и синтаксису (используется в особом коммуникативном типе предложения – побудительном). В этой связи вариабельной оказывается и парадигма императива. В узком смысле императив включает только формы 2 л. ед. и мн. ч. В широком смысле в императивную парадигму втягиваются также формы императива вежливой дистанции (с *Sie*), формы адхортатива (с *wir*) и др. В плане семантики императив является одним из нейтральных средств выражения побуждения. Наряду с императивом значение побуждения может быть выражено и рядом других языковых средств (презенсом, футуром, модальными глаголами, инфинитивом, причастием II, формами конъюнктива, конструкциями *haben / sein + zu + инфинитив*), актуализирующих при этом также семантику будущего времени, что свидетельствует, с одной стороны, о наличии выраженной конкуренции в семантической зоне императивности, с другой – о связи императивности и футуральности. От своих конкурентов императив отличается не только относительной нейтральностью выражения побуждения, но, как показал анализ прямой речи персонажей художественного дискурса, и высокой частотностью: на него приходится не менее 40 % случаев выражения побуждения. Императив задействован и репрезентативен практически во всех речевых актах побудительного характера. Форма императива частотна и в речевых актах контактивного и метакоммуникативного характера со стертой императивностью. Широта семантического диапазона и прагматическая многофункциональность определяют возможность использования императива также в футурально ориентированных речевых актах модально-оценочного и информирующего характера.

Список литературы

- Анисимова Е. Е. *Theoretische Grammatik der deutschen Sprache*. Учеб. пособие. М.: Тезаурус, 2011. 280 с.
- Боднарук Е. В. Классификация речевых актов с футуральной семантикой (на материале немецкого языка) // Вестн. СПбГУ. Сер. 9. 2015. Вып. 2. С. 62–75.
- Боднарук Е. В. Категория футуральности в современном немецком языке: семантико-прагматический и функционально-дискурсивный аспекты исследования: Дис. ... д-ра филол. наук. Архангельск, 2016. 507 с.
- Бондарко А. В. Реальность / ирреальность и потенциальность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1990 а. С. 72–79.
- Бондарко А. В. К анализу категориальных ситуаций в сфере модальности: императивные ситуации // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1990 б. С. 80–89.
- Гусев В. Ю. Типология императива. М.: Языки славянской культуры, 2013. 336 с.
- Ермолаева Л. С. Система наклонений в современном немецком языке (в сопоставлении с другими германскими языками). М.: Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореза, 1976. 102 с.
- Князев Ю. П. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур, 2007. 704 с.
- Музыкантов Г. Ф. Контрастноспособные семы, генерирующие экспрессивность морфологических синонимов императива // Текст в речевой деятельности: Сб. ст. / Под ред. А. А. Романова, А. М. Шахнаровича. М., 1988. С. 87–93.
- Нефёдов С. Т. Императивы как инструмент диалогизации научного текста // Научное мнение. 2015. № 9.1. С. 9–18.
- Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира: Учеб. пособие. М.: Изд-во РГГУ, 2011. 672 с.
- Сильницкий Г. Г. Функционально-коммуникативные типы наклонений и их темпоральные характеристики // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1990. С. 90–110.
- Храковский В. С. Повелительность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1990. С. 185–238.

Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива. Русский императив. Л.: Наука, 1986. 272 с.

Шендельс Е. И. Многозначность и синонимия в грамматике. М.: Высш. шк., 1970. 204 с.

Якушин Б. В. Гипотезы о происхождении языка. М.: Наука, 1984. 137 с.

Abraham W. Die Urmasse von Modalität und ihre Ausgliederung. Modalität anhand von Modalverben, Modalpartikeln und Modus // Modalität: Epistemik und Evidentialität bei Modalverb, Adverb, Modalpartikel und Modus / Hrsg.: W. Abraham, E. Leiss. Tübingen: Stauffenburg Verlag, 2009. S. 251–302.

Grammatik der deutschen Sprache. Berlin; New York: De Gruyter, 1997. Bd. 3. S. 1684–2565.

Heinold S. Gut durchlesen! – Der deutsche Imperativ und seine funktionalen Synonyme // Deutsche Sprache. 2012. Ausgabe 1. S. 32–56.

Leiss E. Die Verbalkategorien des Deutschen: ein Beitrag zur Theorie der sprachlichen Kategorisierung. Berlin; New York: De Gruyter, 1992. 334 S.

Moskalskaja O. I. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. М.: Академия, 2004. 352 с.

Simmmler F. Zur Geschichte der Imperativsätze und ihrer Ersatzformen im Deutschen // Festschrift für Herbert Kolb zu seinem 65. Geburtstag / Hrsg. von K. Matzel, H.-G. Roloff. Bern [etc.]: Peter Lang, 1989. S. 642–691.

Sommerfeld K.-E., Starke G. Grammatisch-semantische Felder der deutschen Sprache der Gegenwart. Leipzig: Verlag Enzyklopädie, 1984. 180 S.

Thieroff R. Das finite Verb im Deutschen: Tempus – Modus – Distanz. Tübingen: Narr, 1992. 316 S.

Wunderlich D. Was sind Aufforderungssätze? // Pragmatik in der Grammatik / Hrsg. von G. Stickel. Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann-Bagel, 1984. S. 92–117.

Zerebkov V. A. Das Verb. Ein Hilfsbuch zur deutschen Grammatik. Moskau: Hochschule, 1977. 192 S.

Список источников

Hein Ch. Landnahme. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2005. 383 S.

Kehlmann D. Ruhm. Hamburg: Rowohlt, 2009. 203 S.

Noll I. Ehrenwort. Zürich: Diogenes, 2010. 336 S.

Материал поступил в редколлегию 10.05.2018

Elena V. Bodnaruk

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov
17 Naberezhnaya Severnoi Dviny, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation

e.bodnaruk@narfu.ru

SEMANTICS AND PRAGMATICS OF THE IMPERATIVE IN THE MODERN GERMAN LANGUAGE

The article deals with the imperative, one of the moods, which has a large scope of semantic and pragmatic functions. The author analyses the grammatical status of the imperative and the structure of its paradigm, proving its categorical belonging to both morphology and syntax. The main components of its semantics and the restrictions in the imperative forms usage are revealed and described. The semantics of the imperative is presented in connection with the future time orientation so that we can observe the synonymy of forms and constructions which express imperativeness through actualizing the meaning of the motivation for an action. The usage of the imperative forms in different speech acts is analyzed.

Keywords: imperative mood, imperative paradigm, semantics, speech acts, the German language.

References

- Anisimova E. E. Theoretische Grammatik der deutschen Sprache. Uchebn. pos. Moskau, Tezaurus, 2011, 280 S. (in Germ.)
- Bodnaruk E. V. Kategoriya futural'nosti v sovremennom nemetskom yazyke: semantiko-pragmatischeskiy i funktsional'no-diskursivnyy aspekty issledovaniya. Dis. ... d-ra filol. nauk. Arkhangel'sk, 2016, 507 p. (in Russ.)
- Bodnaruk E. V. Klassifikatsiya rechevykh aktov s futural'noy semantikoy (na materiale nemetskogo yazyka). *Vestnik SPbSU. Ser. 9*, 2015, iss. 2, p. 62–75. (in Russ.)
- Bondarko A. V. Real'nost' / irreal'nost' i potentsial'nost'. *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'*. Ed. by A. V. Bondarko. Leningrad, Nauka, 1990a, p. 72–79. (in Russ.)
- Bondarko A. V. K analizu kategorial'nykh situatsiy v sfere modal'nosti: imperativnye situatsii. *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'*. Ed. by A. V. Bondarko. Leningrad, Nauka, 1990b, p. 80–89. (in Russ.)
- Ermolaeva L. S. Sistema nakloneniy v sovremennom nemetskom yazyke (v sopostavlenii s drugimi germanskimi yazykami). Moscow, 1976, 102 p. (in Russ.)
- Gusev V. Yu. Tipologiya imperativa. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2013, 336 p. (in Russ.)
- Khrakovskiy V. S. Povelitel'nost'. *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'*. Ed. by A. V. Bondarko. Leningrad, Nauka, 1990, p. 185–238. (in Russ.)
- Khrakovskiy V. S., Volodin A. P. Semantika i tipologiya imperativa. Russkiy imperativ. Leningrad, Nauka, 1986, 272 p. (in Russ.)
- Knyazev Yu. P. Grammaticheskaya semantika. Russkiy yazyk v tipologicheskoy perspektive. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2007, 704 p. (in Russ.)
- Muzykantov G. F. Kontrastnosposobnye semy, generiruyushchie ekspressivnost' morfologicheskikh sinonimov imperativa. *Tekst v rechevoy deyatel'nosti*. Eds. A. A. Romanov, A. M. Shakhnarovich. Moscow, 1988, p. 87–93. (in Russ.)
- Nefedov S. T. Imperativy kak instrument dialogizatsii nauchnogo teksta. *Nauchnoe mnenie*, 2015, no. 9.1, p. 9–18. (in Russ.)
- Plungyan V. A. Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira. Moscow, RSHU, 2011, 672 p. (in Russ.)
- Shendels E. I. Mnogoznachnost' i sinonimiya v grammatike. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1970, 204 p. (in Russ.)
- Silnitskiy G. G. Funktsional'no-kommunikativnye tipy nakloneniy i ikh temporal'nye kharakteristiki. *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'*. Ed. by A. V. Bondarko. Leningrad, Nauka, 1990, p. 90–110. (in Russ.)
- Yakushin B. V. Gipotezy o proiskhozhdenii yazyka. Moscow, Nauka, 1984, 137 p. (in Russ.)

For citation:

Bodnaruk Elena V. Semantics and Pragmatics of the Imperative in the Modern German Language. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 3, p. 67–76. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-3-67-76